

I ПИРЕНЕИ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Мальчик был маленький, а горы были до неба. Взбираясь от тропки к тропке, он продирался сквозь заросли папоротника, то разогретые солнцем и благовоновые, то обдающие свежестью, когда он ложился в тени отдохнуть. Вздыхался утес, за ним бушевал водопад, словно свергаясь с небесной выси. Мальчик окидывал взглядом поросшие лесом горы — а глаза у него были зоркие, они различали на той вон далекой скале, меж деревьев, маленькую серну, — терялся взором в синеве глубокого, точно парящего неба, кричал, задрав голову, звонким голосом, от полноты жизни. Бегал, разувшись, по земле, всегда был в движении. Без конца вдыхал теплый легкий воздух, точно омывавший все тело внутри и снаружи. Таковы были его первые труды и радости. Мальчика звали Генрих.

У него были маленькие друзья, они ходили не только босые и простоволосые, но в лохмотьях, полуголые. От них пахло потом, травами, дымом, как и от него; и хотя он не жил, подобно им, в хижине или пещере, но ему нравилось, что от него пахнет, как от других мальчиков. Они научили его ловить птиц и жарить их. Вместе с ними подсушивал он свой хлеб между горячими камнями, натерев его сначала чесноком. Потому что от чеснока вырастешь большой и будешь всегда здоров. Другое средство — вино, они пили его когда и где удавалось. И вино было у всех в крови — у крестьянских ребят, у их родителей, у всей страны. Мать поручила Генриха заботам одной родственницы и воспитателя,

чтобы сын рос, как растут дети в народе. Впрочем, и здесь, в горах, он жил в замке; замок назывался Коаррац. Местность называлась Беарн. А горы были Пиренеи.

Говор здесь был звучный, много гласных и раскати-стое «р». Когда его матери приспело время родить, она, по приказу деда, запела хорал, прося Матерь Божию подсобить ей: «Adjutat me a d'aqueste hore»¹. Это было местное наречие — все равно что латынь. Поэтому мальчик легко научился говорить по-латыни, но только говорить: дед запрещал ему учиться писать, да и спеху не было, ведь он еще мал.

Старик Генрих д'Альбре умирал внизу, в своем замке По, а тем временем в Коарраце молодой Генрих болтал по-латыни, взбирался на лесистые склоны, гоняясь за маленькими сернами — их называли isards, — но серны все-таки оставались недоступными. И может быть, последний хрип старика совпал с радостным криком внука, когда тот купался вместе с мальчиками и девочками в ручье пониже большого водопада, рассыпавшего сверкающие брызги.

Тела девочек чрезвычайно занимали его. Поглядишь, как эти существа раздеваются, ходят, говорят, смотрят, — оказывается, они устроены совсем по-другому, чем он, особенно плечи, бедра, ноги. Одной девочкой — грудь у нее уже начала развиваться — он особенно пленился и решил, что будет за нее бороться. А это, как он заметил, было необходимо: сама-то она выбрала не его — рослый парнишка постарше, с красивым глупым лицом ей больше приглянулся. Почему — Генрих не стал спрашивать; может быть, этим прекрасным созданиям и не нужно никаких почему, — но он-то знал, чего хочет.

И вот маленький мальчик вызвал большого на состязание, кто из них перенесет девочку через ручей.

¹ Да поможет она мне в этот час (лат.).

Ручей был не глубокий, но в нем встречались водовороты и гладкие камни — ступишь на них неловко, и они выкатываются из-под ног. Соперник тут же поскользнулся, девочка тоже упала бы, если бы Генрих не подхватил ее. Ему-то в этом ручье был знаком каждый камешек, и он перенес ее, напрягая все свои силенки, — ведь она была претяжелая, а он всего только худенький малыш. Выйдя на берег, Генрих поцеловал девочку в губы, и она, изумленная, не сопротивилась; он же сказал, ударив себя в грудь:

— Тебя перенес через ручей принц Беарнский.

Крестьянская девочка взглянула на его детское взволнованное лицо и расхохоталась, этот смех отозвался болью в его сердце, но не лишил отваги. Она уже подбежала к своему незадачливому поклоннику, когда Генрих крикнул: «Aut vincere aut mori!»¹ Это было одно из тех изречений, которым научил мальчика его воспитатель. Генрих сильно надеялся поразить им своих приятелей. Новое разочарование — крестьянским ребятам наплевать было и на принца, и на его латынь. Победа и смерть были им одинаково неведомы. Итак, ему оставалось одно: он опять вошел в ручей и шлепнулся в воду нарочно — еще смешнее, чем перед тем его соперник. Состроил глупую рожу, захромал, как тот, стал браниться, подражая его голосу, и все так похоже, что ребята, глядя на шутника, невольно расхохотались. Даже прелестную девочку он заставил рассмеяться!

А потом тут же ушел. Хоть и было Генриху тогда всего четыре года, однако успех уже привлекал его. Сейчас он его добился, но в груди боролись противоречивые чувства. Мсть свершилась, но воспоминание осталось. Несмотря на отвагу и уверенность в себе, тоска и влечение к девочке не исчезли.

Мать позвала его домой, и вначале он только и говорил что о девочке. Тем временем умер дед, Генрих его

¹ Победить или умереть! (лат.)

уже никогда не увидит. Гораздо хуже то, что его девочка далеко и ее сюда не пустят.

— Пошли же за ней, мама, я хочу на ней жениться. Правда, она больше меня, да ничего, я подрасту.

И только новые впечатления точно ветром смели его прежние чувства. Причиной оказалась молодая фрейлина его матери.

В По держали маленький двор, — вернее, это был просто расширенный круг семьи. Старик д'Альбре был сельский государь. Свой сильно укрепленный замок он перестроил, и благодаря новым веяниям замок стал даже красив и затейлив. С балкона открывался вид на глубокий дол внизу, там ласкали взор виноград, маслины, зеленые леса, меж ними сверкали речные излучины, а дальше синели Пиренеи.

Горы тянулись как непрерывное шествие, — больше нигде таких не увидишь, леса зеленели до самого неба; и, скользя по ним, радовался глаз, особенно глаз владельца. Старик д'Альбре, сельский государь, владел склоном Пиренеев по эту сторону хребта со всеми прилегающими к нему холмами и долинами и всем, что там произрастало и множилось: плодами, скотом, людьми. Он владел самым южным уголком Западной Франции: Беарном, Альбре, Бигоррой, Наваррой, Арманьяком — старой Гасконью. Он именовался королем Наварры и был бы, вероятно, просто подданным короля Франции, обладай тот всей полнотою власти. Но королевство было расколото надвое католиками и протестантами — притом во всех своих частях и уже давно. А для провинциальных государей, подобных королю Наваррскому, это служило самым подходящим предложением, чтобы сделаться самостоятельными и отнять у соседа вооруженной рукой все, что удастся, — хотя бы только холм с виноградником.

Да и по всей стране грабили и убивали во имя обеих враждующих вер. Люди относились к различиям этих

вер с глубочайшей серьезностью; между теми, кому раньше и делить было нечего, возникала теперь смертельная вражда. Иные слова, особенно слово «обедня», имели столь великую власть, что брат брату становился чужаком, — уже не родная кровь. Почиталось естественным призывать на помощь швейцарцев и немцев: если они исповедовали истинную веру, то есть либо ходили к обедне, либо не ходили, — этого было достаточно, чтобы предпочесть их инакомыслящим соотечественникам и представить им право участвовать в грабежах и поджогах.

Эта религиозная воинственность всего населения была его правителям бесспорно выгодна. Разделяли они его верования или не разделяли, но, пользуясь междоусобицей и разбойничая во имя религии, они успешно расширяли свои владения или, встав во главе маленьких, незаконно созданных отрядов, вели за чужой счет жизнь, не лишнюю приятности. Гражданская война стала для иных прямо-таки ремеслом, хотя для большинства жителей она была бедствием. Зато им оставалась их вера.

Старик д'Альбре был добрый католик, но без крайностей. Никогда не забывал он, что и его подданные-протестанты плодят детей, а те становятся полезными работниками, пашут землю, платят подати, приумножают богатства страны и своего господина. Поэтому он спокойно разрешал им слушать протестантские проповеди, а его солдаты охраняли пасторов не хуже, чем капелланов. Вероятно, он понимал и то, что число протестантов, называвших себя гугенотами, все возрастает, и это скорее на пользу его самостоятельности, чем во вред — ведь двор в Париже на самом деле уж чересчур католичен. Сам же он принадлежит к числу тех феодальных сеньоров, для которых главное не допускать, чтобы король Франции забрал в свои руки слишком большую власть. За последнее время они пользовались

для этой цели гугенотами, ревнителями молодой новой веры, которые общались с истинным Богом, хотя мягче от этого не становились.

Гугеноты были бунтовщиками и против светской власти, и против духовной. Даже в Беарне мужики уже потребовали: пусть им покажут, где это в Библии сказано про налоги. А нет, так они и платить не будут! Ну, старик умел с ними ладить, он и сам ведь был вроде них. Пошуметь они любили, но неизменно сохраняли трезвость суждений и сражались храбро, не забывая в то же время о своей выгоде.

Подобно им, старик носил баскский берет, когда не надо было надевать шлем и панцирь, и любил свой родной край, как самого себя, — именно вот этот кусок земли, который он мог охватить взглядом и всеми своими чувствами. Когда настало время родиться его внуку Генриху, дед постарался, чтобы это произошло в замке По, и только по его требованию дочери Жанне пришлось на сносях совершить путешествие. Мало ему было и того, что она во время родовых схваток пела на местном наречии хорал «Adjudat me a d'aqueste hore», чтобы внук его был жизнерадостным и не знал уныния. Едва мальчик родился, как старик дал ему понюхать местное вино, и когда дитя качнуло головкой, признал в нем свою плоть и кровь и тут же натер ему губы чесноком.

Так, после двух внуков, которым не суждено было выжить, этот все-таки уцелел, поэтому старик завещал дочери все свои владения и свой титул. Теперь Жанна стала королевой Наваррской. Ее супруг, Антуан Бурбонский, командовал войсками французского короля, ибо состоял с ним в дальнем родстве и был его генералом. Большую часть времени он проводил в походах. Жанна страстно его любила, пока он не начал домогаться других женщин; однако она никогда не возлагала на него особых надежд, к тому же ему было суждено рано умереть. Ее притязания шли гораздо дальше того,

о чем мог мечтать Антуан: ведь ее мать приходилась родной сестрой Франциску Первому — тому самому королю, которому так не повезло в сражении при Павии против Карла Пятого; однако власть французской короны внутри страны Франциск расширил и укрепил.

После смерти отца Жанна д'Альбре сделалась непомерно важною дамой, но земель Беарн, Альбре и Наварра, составлявших целое королевство, ей все-таки казалось недостаточно. У прежнего короля Франции из дома Валуа было четыре сына, поэтому побочная ветвь Бурбонов едва ли могла рассчитывать получить власть в скором будущем. Однако Жанна дерзко предрекла сыну своему Генриху самую необыкновенную судьбу, о чем позднее вспоминали с удивлением, — должно быть, она имела дар ясновидения. Но ею руководило только честолюбие, оно выковало в столь хрупкой женщине нестигаемую волю, а ее пророчество, которое она оставила сыну как завещание, наложило печать на всю его судьбу.

Едва мальчик к ней вернулся, как Жанна прежде всего стала преподавать ему историю их дома. Она не замечала, что он все время жметя к хорошенькой фрейлине или, как в Пиренеях, босиком выбегает играть на улицу, влекомый любопытством к девочкам, этим столь загадочным для него созданиям. Но Жанна не видела действительной жизни, она жила мечтами, как это бывает у слабогрудых женщин.

Королева сидела в своих покоях, одной рукой обхватив Генриха, который охотнее резвился бы, точно козленок, другой прижимая к себе его сестричку Екатерину. Жанна нежно склоняла голову с тускло-пепельными волосами между головками обоих детей. Лицо у нее было тонко очерченное, узкое, бледное, брови страдальчески хмурились над темными глазами, лоб уже прорезали первые морщины, и углы рта слегка опустились.

— Мы скоро поедem в Париж, — сказала она. — Наша страна должна стать обширнее. Я хочу прибавить к ней испанскую часть Наварры.

Маленький Генрих спросил:

— А почему же ты не возьмешь ее себе? — И тут же поправился: — Пусть папа ее завоюет!

— Наш король дружит с королем испанским, — пояснила мать. — Он даже позволяет испанцам вторгаться к нам.

— А я не позволю! — тотчас воскликнул Генрих. — Испания — мой враг и врагом останется! Оттого что я тебя люблю, — пылко добавил он и поцеловал Жанну.

А она пролила невольные слезы, они падали на ее полуобнаженную грудь, к которой, словно желая утешить мать, прижался маленький сын.

— Неужели мой отец всегда слушается только короля Франции? Ну, уж я-то ни за что не стану, — вкрадчиво заверил он мать, чувствуя, что ей эти слова приятны.

— А мне можно с вами ехать? — спросила сестричка.

— Фрейлину тоже надо взять, — решительно заявил Генрих.

— И наш папочка там с нами будет? — спросила Екатерина.

— Может быть, и будет, — пробормотала Жанна и поднялась со своего кресла с прямой спинкой, чтобы не отвечать на дальнейшие расспросы детей.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Несколько времени спустя королева перешла в протестантскую веру. Это было немаловажное событие, и оно отозвалось не только на ее маленькой стране, которую она по мере сил старалась сделать протестантской; оно усилило боевой дух и влияние новой рели-

гии повсюду. Но сделала это Жанна по той причине, что ее супруг Антуан и при дворе и в походах брал себе все новых любовниц. И так как он был сначала протестантом, а потом, по слабости характера, снова вернулся в лоно католической церкви, она поступила наоборот. Может быть, она переменяла веру и из подлинного благочестия, а главное, чтобы бросить вызов своему вероломному супругу, двору в Париже, всем, кто обижал ее или становился поперек дороги. Ее сын когда-нибудь станет великим, но лишь в том случае, если он поведет за собой протестантские полки, — материнское честолюбие давно ей это открыло.

Когда наконец наступило время отъезда в Париж, обняла Жанна своего сына и сказала:

— Мы едем, но ты не думай, будто делается это ради нашего удовольствия. Ибо мы отправляемся в город, где почти все — враги нашей веры и наши. Никогда не забывай об этом! Тебе уже семь лет, и ты вошел в разум. Помнишь ли, как однажды мы уже являлись ко двору? Ты был тогда совсем крошка и, пожалуй, забыл. А отец твой, может быть, и вспомнил бы, да слишком у него память коротка и слишком многое он потерял из того, что было когда-то.

Жанна погрузилась в горестные думы.

Генрих потянул ее за рукав и спросил:

— А как в те времена было при дворе?

— Покойный король еще здравствовал. Он спросил тебя, хочешь ли ты быть его сыном. Ты же указал на своего отца и говоришь: «Вот мой отец». Тогда покойный король спросил, хотел ли бы ты стать его зятем. А ты ответил: «Конечно», и с тех пор они выдают тебя за жениха королевской дочери; они на этом хотят нас поймать. Я тебе к тому говорю, чтобы ты им не очень-то верил и был начеку.

— Вот хорошо! — воскликнул Генрих. — Значит, у меня есть жена, а как ее зовут?

— Марго. Она дитя, как и ты, и еще не может ненавидеть и преследовать истинную веру. Впрочем, я не думаю, чтобы ты женился на Маргарите Валуа. Ее мать, королева, уж очень злая женщина.

Лицо матери вдруг изменилось при упоминании о королеве Франции. Мальчик испугался, и его фантазия получила как бы внезапный толчок. Он увидел ужасающую, нечеловеческую морду, когтистую лапу, здоровенную клюку и спросил:

— Она ведьма? Она может колдовать?

— Уж наверно, ей очень хотелось бы, — подтвердила Жанна. — Но самое гадкое не это.

— Она изрыгает огонь? Пожирает детей?

— И то и другое; но ей не всегда удается, ибо, к счастью, Бог наказал ее за злобу глупостью. Смотри, сын мой, обо всем этом — ни единому человеку ни слова.

— Я обо всем буду молчать, мамочка, и буду беречься, чтобы меня не сожрали. — В ту минуту мальчик был поглощен своими видениями и не допускал, что может когда-либо позабыть и эти видения, и слова своей матери.

— Главное — крепко держись истинной веры, которой я научила тебя! — сказала Жанна проникновенно и вместе с тем угрожающе; и ему опять стало страшно — еще страшнее.

Вот первое, что Генрих узнал от своей матери о Екатерине Медичи. Затем они в самом деле пустились в путь.

Впереди, в большой, старой, обтянутой кожей карете ехал воспитатель принца Ла Гошери, два пастора и несколько слуг. За каретой скакали шесть вооруженных дворян — все протестанты, — и следовала обитая алым бархатом карета королевы, где сидела Жанна с обоими детьми и тремя придворными дамами. Замыкали поезд опять-таки вооруженные дворяне, ревнители «истинной веры».

В начале путешествия все было еще как дома — язык, лица, местность, пища. Генрих и его сестричка

Екатерина переговаривались через окно с деревенскими ребятами, то и дело бежавшими рядом с каретой. По причине июльской жары окна экипажей были закрыты. Несколько раз ночевали еще в своей стране, останавливались и в Нераке, второй резиденции. Вечером собиралось все протестантское население, пасторы говорили проповеди, народ пел псалмы. Некоторое время дорога вела через Гиеннь, когда-то Аквитанию, где главным городом был Бордо, а представителем французского короля считался Антуан Бурбон, супруг Жанны. Затем пошли чужие края.

Потянулись места, которые этому сыну Пиренеев и во сне не снились. Как странно люди были одеты! Как они говорили! Понять — понимаешь, а ответить не можешь. Летом реки здесь не пересыхали, как он привык к тому у себя в Беарне. Ни одной маслины, даже ослики попадались все реже. По вечерам королева и ее протестанты были одни среди неведомых людей и составляли стражу: здешним католикам нельзя было доверять. Вчера пасторы начали было проповедовать, но значительно превосходящие их числом враги изгнали верующих из пустой и унылой молельни, стоявшей далеко за городом; вынуждена была поспешно бежать с детьми и королева Наваррская. Тем счастливее чувствовали себя путешественники, если где-нибудь большинство населения оказывалось их единоверцами. Тогда Жанну принимали как провозвестницу истинной религии, ее ждали, молва опережала ее приезд, все хотели поглядеть на ее детей, и, подняв их на руках, она показывала их народу. Пасторы проповедовали, верующие пели псалмы, потом все садились за праздничную трапезу.

На восемнадцатый день пути они переправились через Луару под Орлеаном. Жанна объехала город стороной, вооруженные гугеноты верхами скакали возле самой королевской кареты и обступили ее еще теснее,

когда показались посланцы французской королевы. Это были придворные, они учтиво приветствовали Жанну, но они привели с собой личную охрану, состоявшую из католиков, и те возымели намерение ехать ближе к карете, чем гугеноты. Однако свита Жанны и не думала уступать, завязалась рукопашная. Маленький Генрих высунулся из окна и подзадоривал своих на беарнском наречии, которого католики не понимали. Внезапный ливень остудил воинственный пыл дерущихся, они поневоле засмеялись и снова стали учтивы. Небо в темных тучах нависло над непривычными для южан тополями, в которых шумел ветер. Здесь было свежо в августе и как-то неприятно.

— Что там за черные башни, мама, и почему они горят?

— Это солнце садится позади замка Сен-Жермен, куда мы едем, дитя мое. Там живет королева Франции. Ты ведь помнишь все, что я тебе рассказывала и что ты обещал мне?

— Я все помню, мамочка.

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Генрих сразу же повел себя как молодой забияка, гордый и воинственный. Правда, сначала он видел только слуг: они разлучили его с матерью и оставили при нем в комнате лишь воспитателя, а затем подали на стол мясо, одно мясо! Когда и на другой день ему предложили только мясо, он стал настойчиво требовать южных дынь — сейчас была как раз их пора. Генрих расплакался, отказался есть, и для утешения его отправили в сад. Дождь наконец перестал.

— Я хочу к маме. Где она?

Ему ответили: «У мадам Екатерины», и Генрих испугался, ибо знал, что это королева. Он больше ни о чем не спрашивал.

На нем было его лучшее платье, за ним шли два господина — воспитатель Ла Гошери и Ларшан, беарнский дворянин. Дойдя до лужайки, он повстречался с тремя мальчиками, их тоже сопровождала свита, но она была многочисленнее. Генрих сразу же заметил, что они держатся не так, как дети, которым хочется поиграть; особенно старший — он вилял бедрами и задирал голову, точно взрослый щеголь; его белый берет украшали перья.

— Господа, — обернулся Генрих к своим спутникам, — это что за птица?

— Осторожнее, — прошептали они, — это король Франции.

Обе группы остановились одна против другой, молодой король стоял перед маленьким принцем Наваррским. Он словно застыл на месте, ожидая, когда Генрих подойдет поближе. А тот не спеша разглядывал его. У Карла Девятого не только берет был белый, он был весь в белом, с головы до ног. Шею охватывало белое жабо, лицо словно лежало на нем, он слегка отвернулся, смотрел, чуть скосив глаза. Его взгляд, хитрый и грустный, как будто говорил: «Я про тебя уже все знаю. К сожалению, мне про всех вас нужно все знать».

А Генриху вдруг стало весело, впервые после приезда. Он готов был звонко рассмеяться, но те, за спиной, опять прошептали: «Осторожнее!» Тогда семилетний мальчик ударил себя в грудь, склонился перед двенадцатилетним до земли и описал правой рукой широкий круг у своих ног. Он повторил этот маневр справа и слева от короля и, наконец, даже за его спиной, причем кое-кто из господ придворных улыбнулся. Но Ларшан, дворянин из свиты Жанны, тот опустил перед Карлом на одно колено и заявил:

— Сир! Принц Наваррский еще ни разу не видел великого короля!

— Ну, сам он никогда королем не станет, — небрежно уронил Карл, и губы его под мясистым носом снова крепко сомкнулись.

Теперь рассердился Генрих: его ласкающие, приветливые глаза гневно блеснули, и он воскликнул:

— Не вздумайте сказать это при моей матери, да и при вашей, которая правит за вас!

Слова эти были, пожалуй, слишком унижительны, чтобы их воспринял слух короля; господа, сопровождавшие Карла Девятого, испугались. Он же лишь опустил веки; но в это мгновение Карл запомнил кое-что навсегда.

А Генрих сразу же успокоился и непринужденно заговорил с двумя другими мальчиками.

— Ну а вы? — спросил он, желая их подбодрить, ибо они показались ему не в меру смущенными. Все это происходило потому, что сам он еще не получил придворного воспитания.

— Меня называют монсеньор, — ответил один из младших мальчиков — ровесник Генриха. — Это мой титул, я ведь старший из братьев короля.

— А меня зовут просто Генрих.

— О, меня тоже, — с чисто детской живостью воскликнул монсеньор, и оба принялись внимательно друг друга разглядывать.

— А у вас нет дынь? — спросил Генрих, сразу устремившись к цели. Младший из королевских братьев рассмеялся вопросу Генриха, словно то была шутка. Видно было, что этот малыш редко бывает шумлив и весел.

Над детьми зеленела листва высокого дерева, в ней запела какая-то птица, все трое посмотрели вверх. Потом они увидели, что король проследовал дальше и за ним — вся свита. Оба спутника принца Наваррского беседовали с французскими дворянами, это их отвлекло. А Генрих прошептал:

— Нужно снять башмаки.

Сказано — сделано. Мальчик начал взбираться по стволу. Достигнув вершины, он заявил двум стоявшим внизу:

— Сейчас я спрячусь. А вы что же — боитесь?

Когда он на самом деле совсем исчез среди листвы, они не захотели отстать от него, тоже засунули в кусты свои башмаки и стали карабкаться на дерево.

— Здесь они нас ни за что не найдут, — сказал Генрих. — Они везде будут искать, а вы пока сведите меня знаете куда?.. Нет! Гнезда не трогайте! Видите, у птиц желтые клювы? В точности такие же птички свили себе гнездо перед моим окошком дома, в По.

Вернулось несколько придворных, они поглядели по сторонам, посоветались и направились в другую сторону. Все три мальчика тут же слезли с дерева и наконец отвели Генриха туда, куда ему хотелось: на огород. Желанные плоды лежали на черной земле, он сел, зарылся в нее руками и босыми ногами и, ликуя, проворчал:

— Вот здесь хорошо!

Воздух благоухал душистыми травами. Генрих наслаждался, он чувствовал на губах вкус всего — лука, чеснока, салата.

— Ну а вы?

Они же стояли и смотрели на свои зарывшиеся в землю ноги.

— Земля — это грязь, — заявили братья короля. Тут Генрих заметил неподалеку одного из садовников. Узнав принцев, этот простак хотел было убраться от них подальше. Но Генрих крикнул:

— Пойди сюда, не то, смотри, тебе плохо придется! — Тогда увалень, согнувшись в три погибели, приблизился неслышными шагами. — Возьми нож! Взрежь-ка самую спелую дыню. — Уничтожив добрую половину, он заявил, что дыня водянистая и кислая. — Получше-то у вас нет?

Парень стал оправдываться: все время, дескать, шли дожди. Генрих небрежно бросил:

— Я тебя прощаю.

Затем, не переставая есть, принялся расспрашивать об огороде и о том, как живет садовнику.

— Приезжай в Наварру, — заметил он, — вот там дыни так дыни! Я угощу тебя! Не строй дурацкой рожки! Не знаешь, что такое Наварра? Это такая страна, побольше Франции будет. И дыни там огромные, куда больше здешних.

— И пузо у тебя тоже огромное! — заметил второй Генрих, которого называли монсеньор. Ибо его чужеземный кузен съел всю дыню один и даже спросил:

— Что, если я взрежу еще одну?..

— Обжора, — добавил Генрих Валуа, однако это не прошло ему даром. Генрих Бурбон крикнул:

— А хочешь, я дам тебе под зад?! — И уже вытащил было ногу из земли; но не успел он подняться, как Валуа убежал, его младший братишка, плача, последовал за ним. Генрих остался победителем.

Мимо него проскакал кролик. Генрих бросился догонять его. Кролик спрятался, мальчик опять поднял его, но тот не давался в руки. Генрих совсем запыхался от этой погони.

— Генрих! — Перед ним стояла его сестричка, а рядом с ней другая девочка. Она была выше Екатерины, а по годам — ему ровесница. Генрих уже догадался, кто это. Но сначала слова не мог вымолвить от изумления. Сестричка Генриха заявила:

— Вот мы и пришли. Марго хотелось поглядеть на тебя.

— Вы всегда такой грязный? — спросила Маргарита Валуа, сестра короля.

— Мне захотелось дынь, — отозвался он, и ему стало стыдно. — Постойте, я и вас угощу.

— Благодарю, мне нельзя...

— Ах да! Вы можете запачкать ваше нарядное платье. Она улыбнулась и подумала: «И лицо тоже. Я ведь накрашена, а этот мужлан даже не замечает».

Какая девочка! Он никогда еще таких не видел. Его маленькая Екатерина, которую он так крепко любит, рядом с ней просто скотница, несмотря на свой праздничный наряд. Цвет лица у Маргариты напоминал розы и гвоздики, да и те могли бы ей позавидовать. Белое платье плотно облегалo стан, а от бедер расширялось книзу пышными жесткими складками, поблескивая золотой вышивкой и разноцветными камнями. Белыми были и ее туфли, на них налипло немного земли. В неудержимом порыве Генрих опустился на колени и снял губами грязь с туфелек Марго. Затем поднялся и сказал:

— У меня руки в земле.

И вдруг рассердился, ибо девочка надменно усмехнулась. Генрих отвел сестру в сторону и зашептал ей, но так, чтобы гордячка непременно услышала:

— Я сейчас задеру ей юбку, надо же посмотреть, какие у нее ноги, — может, не такие, как у всех девочек. — Тут улыбка маленькой принцессы одеревенела. А он еще добавил: — И нос у нее слишком длинный. Знаешь что, Катрин, забирай-ка ты ее обратно.

Лицо красивой девочки скривилось — сейчас заплачет. Через мгновение Генрих стал опять изысканно вежлив.

— Мадемуазель, я просто глупый деревенский мальчишка, а вы прекрасная девица, — сказал он с отменной учтивостью.

Сестра заявила:

— А она умеет говорить по-латыни.

Тогда он обратился к Марго на этом древнем языке и спросил, обручена ли она уже с каким-нибудь принцем. Девочка ответила — нет; таким образом он узнал, что история, рассказанная ему его дорогой ма-

тушкой, была только сказкой, ей все это приснилось. Вместе с тем он подумал: «Чего нет, то еще может быть».

А пока заметил:

— Ваши два брата удрали от меня.

— Верно, мои братья испугались вашего запаха. Так не пахнет ни от одного принца, — сказала Маргарита Валуа и наморщила свой слишком длинный носик. Генрих Бурбон оскорбился, он гневно спросил:

— А вы знаете, что это значит: *Aut vincere aut mori?*

Она ответила:

— Нет, но я спрошу у своей матери.

Вызывающе смотрели дети друг на друга. Маленькая Екатерина испуганно проговорила:

— Осторожно, кто-то идет.

Подошла дама, явно из числа придворных, — может быть, даже воспитательница принцессы, ибо она тут же выразила свое недовольство:

— Что это за чумазый мальчишка? С кем вы беседуете, сударыня?

— Говорят, это принц Наваррский, — отозвалась Маргарита.

Дама тотчас низко присела:

— Ваш отец прибыл, сударь, и желает вас видеть. Но сначала вам следует умыться.

ВРАГИ

Тем временем мать Генриха, Жанна д'Альбре, вела беседу с Екатериной Медичи. Екатерина выказала неожиданное дружелюбие, покладистость, предупредительность и, видимо, старалась обходить все спорные вопросы. А протестантка, разговорившись, либо совсем этого не замечала, либо сочла за уловку.

— Истинная религия и ее враги никогда не сговоятся, — упрямо повторяла она. Затем произнесла, точно давая клятву: — Будь у меня по одну руку все мое

королевство, а по другую — мой сын, я скорее утопила бы обоих на дне морском, чем отступилась.

— А что такое религия? — спросила толстая черная Медичи тощую белокурую д'Альбре. — Право же, пора бы нам с вами и за ум взяться. Из-за наших вечных междоусобиц мы теряем Францию: я ведь вынуждена впустить испанцев — одна я не справлюсь с вашими протестантами. При всем том я вовсе не чувствую к вам ненависти и, если б можно было, охотно выкупила бы у вас вашу веру.

— Вот и видно, что вы дочь флорентийского менялы, — презрительно отозвалась Жанна. Королеве Наваррской пришлось перед тем выслушать нечто гораздо более оскорбительное. Однако Екатерину трудно было смутить.

— Вы радоваться должны, что я итальянка! Никогда французская католичка не стала бы вам предлагать столь выгодные для вас условия мира. Пусть ваши единоверцы свободно исповедуют свою религию, я дам им надежные убежища, укрепленные города. За это я требую только одного: перестаньте разжигать ненависть к католикам и нападать на них.

— Я Бог гнева, говорит Господь.

Жанна, взволнованная до глубины своего существа, невольно вскочила. Екатерина же продолжала спокойно сидеть в кресле, сложив на животе мясистые ручки, покрытые ямочками и перстнями.

— Вы гневаетесь, — сказала она, — потому, что бедны. Все дело в том, что междоусобная война для вас выгодна. Я предлагаю вам деньги, тогда и воевать будет незачем.

Столь чудовищное непонимание и презрение окончательно вывели Жанну из себя. Ей хотелось наброситься с кулаками на эту бабищу. Запинаясь, она проговорила:

— А сколько получают любовницы моего мужа за то, чтобы восстанавливать его против истинной веры?

Екатерина молча кивнула, будто она именно этих слов и ожидала. Отлично! Наконец-то гостя все выложила. Нашлась воительница за веру! Просто-напросто ревнует. Отвечать незачем, все равно белобрысая особа с козьим лицом ничего не услышит. Жанна, не в силах владеть собой, едва добрела до стены и, словно лишившись чувств, повалилась на большой ларь. В это мгновение открылась дверь, расписанная и позолоченная, но окованная железом. Стража стукнула об пол алебардами, и в залу вступил король Наваррский, держа за руки двух своих детей.

Антуан Бурбон шел, виляя бедрами, как ходят обычно любимые женщинами красавцы-мужчины, да он и был красавцем. Король держался так на всякий случай — еще не уяснив себе, что здесь происходит. Окна были скрыты в глубоких нишах, и каждый, кто попадал в эту комнату, сначала ничего не видел, кроме сумрака. У дальней стены королю Наваррскому почудилось какое-то движение, он тотчас схватился за кинжал. Тогда Екатерина от души рассмеялась, хотя и потихоньку, себе под нос.

— Смелей, Наварра! Гляди хорошенько, я никогда не прячу убийц, особенно когда имею дело с таким мужчиной, как вы!

Нельзя было не уловить в ее тоне совершенно явного пренебрежения, но Антуан был слишком упоен собой. Он решил больше не обращать внимания на подозрительную стену и низко склонился перед Екатериной. Затем сказал с подобающей чопорностью:

— Вот сын мой Генрих, мадам, он просит вашего покровительства. — Сестричка не шла в счет, от стыда она опустила взор.

Генрих так был поглощен разглядыванием королевы, что даже забыл отвесить ей поклон. Ведь перед ним, посреди огромной комнаты, на том месте, куда больше всего падало света, сидела та самая страшная и злая

мадам Екатерина — да, это была она. Занятый впечатлениями путешествия, новыми знакомствами в саду и особенно дынями, он о ней совсем позабыл и только сейчас вспомнил тот образ, который перед тем нарисовал себе: непременно когти, горб, нос, как у ведьмы. Такой он ожидал ее увидеть. Однако ничего этого не оказалось. Уж очень она была обыкновенная. В кресле с высокой прямой спинкой Медичи казалась маленькой и ужасно жирной, рыхлые белые щеки, черные глаза, как черные угольки, но потухшие. Генрих был разочарован.

Поэтому он окинул повеселевшим взором залу, и что же? О! Он видел зорче своего отца, да и любил сильнее. Мальчик бросился прямо туда, где полулежала, привалившись к стене, Жанна.

— Мама! Мама! — позвал он и при этом успел подумать: «Значит, все-таки та что-то сделала с ней». — Что над тобою сделала эта злая мадам Екатерина? — настойчиво шептал он, целуя мать.

— Ничего. Мне просто было дурно. А теперь давай встанем и будем вести себя как можно учтивее. — Жанна так и сделала.

Обняв маленького сына, она подошла к мужу, улыбнулась ему и сказала:

— Вот наш сын, — однако не сняла руки с его плеча. — Я взяла его с собой, чтобы ты опять свиделся с ним, дорогой супруг, ты ведь так редко приезжаешь домой. Особенно же хочется мне представить королеве Франции ее маленького солдата, он будет служить ей так же доблестно, как служит отец.

— И хорошо сделала, что привезла, — добродушно отозвалась Екатерина. — Что до меня, то жили бы мы лучше мирно, всем королевством, как одна семья.

— А мне тогда, пожалуй, пришлось бы пахать мои земли? — с неудовольствием спросил вояка Антуан.

— Вам следовало бы больше уделять внимания жене. Она вас любит, и к тому же у нее часто бывают го-

ловокружения. Впрочем, я могу дать ей хорошее лекарство.

Жанна содрогнулась: она слишком хорошо знала, каковы лекарства этой ядосмесительницы!

— Уверяю вас, в нем нет нужды! — торопливо возразила она Екатерине.

Когда Жанна поднялась с ларя и приблизилась к королеве, ей пришлось сделать немалое усилие, чтобы овладеть собой; однако сейчас она притворялась уже без труда, не хуже самой Екатерины. А та продолжала разыгрывать материнскую заботливость.

— Вашей жене, Наварра, я предложила свою дружбу и полагаю, она желает мне добра не меньше, чем я ей.

Жанна невольно и быстро подумала: «Мой сын будет великим, и я еще с вами справлюсь. Да, я еще с вами справлюсь — и мой сын станет великим. Я племянница Франциска Первого, а эта — дочь лавочницы!»

Однако восхищенное и ласковое выражение ее лица ничуть не изменилось, да и лицо Екатерины, что бы она там про себя ни таила, продолжало оставаться по-матерински благосклонным. Только тем и выдала себя Медичи, что детей словно вовсе не заметила, даже стоявшей перед ней испуганной девчурки. А еще мать из себя корчит!

— Всей душой готова быть вам другом, — воскликнула Жанна в восторге, что поймала противницу.

БЫЛАЯ ЛЮБОВЬ

Антуан Бурбон был искренне рад исходу этого разговора. Когда они остались в своей комнате одни, он обнял сначала жену, потом сына и показал ему в окно маленькую лошадку, которую проводили по двору:

— Это тебе. Можешь сейчас же покататься на ней верхом.

Генрих убежал вприпрыжку. Сестричка пошла следом, ей хотелось полюбоваться на брата.